

1. Модернизация — как продолжение деидеологизации?

В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация².

Как уже говорилось, в условиях полной потери управляемости страной при Б. Ельцине, новому президенту было не до идеологических изысков. Его практические действия опережали концептуальные построения (например, создание института полпредов, Госсовет и др.), но из этого отнюдь нельзя сделать вывод о том, что они носили хаотический характер. Главные направления в его деятельности прослеживались четко и, надо сказать, что они в целом были правильны. Это:

- укрепление государства, его институтов, создание новых институтов (полпредств), представляющих федеральную власть;
- упорядочение законодательства, которое позволяло региональным баронам, избравшимися напрямую, проводить собственную политику, которая нередко противоречила федеральной;
- укрепление суверенитета России во внешней политике и его распространение на все регионы;
- постепенный переход к социально-ориентированной внутренней политике. При В. Путине власть перестала игнорировать социальные проблемы, хотя так и не сделала их приоритетными. Он остановился в полшаге от концепции человеческого потенциала, инициировав нацпроекты (Справедливости ради стоит отметить, что даже частные проекты, такие, как демографический, дали в 2007–2010 годах определенные результаты: с 2007 г. на 2010 г. стабильно наблюдался рост рождаемости, снижения смертности, а ожидаемая продолжительность жизни достигла 69 лет)³.

Концу второго срока правления В. Путин фактически завершил политику стабилизации и задумался о развитии. Проблема, однако, заключалась в том, что если политику стабилизации можно было проводить **без ясной идеологии, то политику развития, тем более опережающего развития, без внятной идеологии проводить нельзя**⁴. А её-то и не было. Не появилась она в 2008–2010 годы и при Д. Медведеве, который сначала был в цейтноте (как, в свое время и В. Путин) из-за кризиса, а затем предложил казавшуюся ему безошибочную идею модернизации.

Таким образом, суть кризиса, в котором оказалась Россия еще **до мирового кризиса 2008–2010 годов**, заключается в том, что к моменту завершения стабилизационного периода (2006–2007 гг.) у ее элиты так и не сложилось внятной концепции опережающего развития, которая бы логично вытекала из идеологии, т. е. Россия не преодолела идеологический кризис, оставшись в состоянии переходного периода. Последующий кризис 2008–2010 годов вновь вернул «ручное управление», в основе которого лежали два

инструмента — административный ресурс и «паркетный пиар». Попытки разработать долгосрочные частные концепции развития свидетельствуют лишь о том, что элита чувствовала необходимость идеологии, стратегического прогноза и планирования. Но чувствовать еще не значит четко представлять. Социального заказа на идеологию (если не считать попытки «Единой России» придать идеологичность своей структуре) от элиты так и не поступило. Ни при В. Путине, ни при Д. Медведеве. Вот отчего, на мой взгляд, в российской политике периода 2007–2010 годов наблюдались известные проблемы.

В то же время нельзя не согласиться с исследователем этого вопроса И. Тимофеевым, который предполагает, что «Политической и интеллектуальной элите, по всей видимости (!?), удалось нащупать основные контры, в рамках которых выстраивается более или менее приемлемая (!?) для граждан страны концепция государства, видение его роли в мире, и, наконец, понимание его истории»⁵.

Действительно, «точное» определение: «по всей видимости», «удалось нащупать координаты», «более или менее приемлемая». Но, наверное, так оно и есть. К 2011 году идеологический кризис в России уже можно воспринимать как процесс, а не событие, процесс, проходящий в рамках «неких координат». Если обратиться к рисунку алгоритма идеологии, то мы увидим, что за 2007–2010 годы произошел **отказ от заведомо** неприемлемых вариантов идеологического выбора, существовавших еще в начале столетия. Но отказ от чего-то, еще не означает ясный выбор. Его-то, как раз, и не было. Вариант «х», наиболее адекватный, внятные ориентированный ясно на развитие национального человеческого потенциала.

Речь идет об отказе от (отнюдь не окончательном) неолиберального варианте «а» или суперконсервативного варианта «г». Сектор возможного выбора элитой сузился до вариантов, находящихся между вариантами «б» и «в». При «позднем» В. Путине это был вариант «в», а при Д. Медведеве — вариант «б». «Модернизация» и «инновация» — суть олицетворение варианта «б», но, опять же, не оформленного в систему идеологических взглядов (рис. 2).

С одной стороны, фиксация в 2007–2010 годах этих контуров говорит о постепенной стабилизации общественно-политической жизни страны, а, с другой, о том, что избранная В. Путиным и Д. Медведевым идеология прагматизма сохраняет чрезмерную гибкость, абстрактность и, как следствие — неясность. Настолько чрезмерную, что оставляет большинство вопросов без ответа. Во внешней политике эта разница между выступлением В. Путина в Мюн-

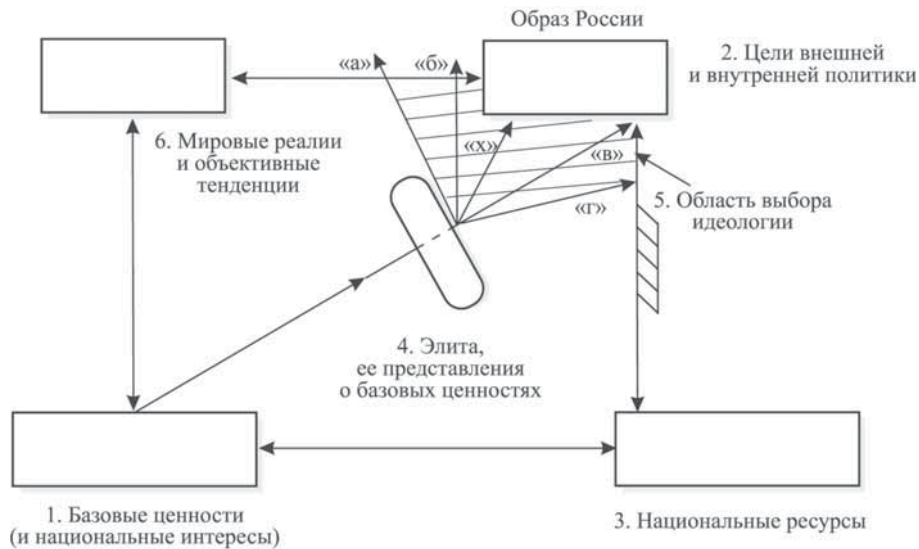

Рис. 2.

хене в 2006 году и Д. Медведева перед российскими послами — в 2010 году. Во внутренней — система выборов и назначений, отношения к НКО и т. д. Но, главное, вариант «х», который так и не был востребован до конца, ясно определяющие главные цели развития национального человеческого потенциала (хотя Д. Медведев в июне 2010 года в своем бюджетном послании, в пятом разделе, прямо на это сослался) и главные средства достижения поставленных целей. Прагматизм — в политике и в жизни — стал тем «контуром» путинской, а затем медведевской идеологией «ручного управления» в условиях системного кризиса на рубеже нового тысячелетия, когда «сигналы» обществу заменяют систему взглядов и стратегию.

Чего же не хватило Д. Медведеву в 2010 году для того, чтобы квазиидеология модернизации (вариант «б») стал полноценной идеологией (вариант «х»), адекватно отражающей национальные интересы страны?

И мало, и много. Если коротко, то системы развития национального человеческого потенциала, при которой модернизация и инновации выполняли бы важную, но одну из функций. Если бы такая система существовала, то:

- процесс модернизации и инноваций не ассоциировался бы с заимствованиями, а опирался на развитие национальной науки, образования, здравоохранения и собственные технологии;
- процесс модернизации не ставил бы под сомнение национальные интересы и ценности, которыми надо «платить» за модернизацию;
- в том же бюджетном послании 2010 года национальный человеческий капитал был бы не только назван «национальным», но и поставлен в системе приоритетов не на пятое, а на первое место;
- выбор между финансовой стабилизацией и развитием НЧП был бы в пользу человеческого потенциала, а, значит, даже в условиях дефицита

ресурсов можно и нужно увеличить расходы на отечественную науку, образование и здравоохранение, а также культуру;

- представление максимума экономической свободы — как условие развития НЧП — предполагает снятие, как минимум, административных барьеров, сокращение госаппарата и государственных расходов. Подобные сокращения, например, на 30–40% в интересах ускоренного развития НЧП привели бы к стремительному росту внутреннего спроса и, в целом, темпов социально-экономического развития.

Наконец, Д. Медведеву не удалось сломать тенденцию «деидеологизации», а значит, использовать мощный идеологический (и не используемый) ресурс. Ситуация в идеологии в действительности в 2010 году выглядит значительно сложнее — и лучше, и где-то хуже. Но в главном — и это хотел бы подчеркнуть, — в сохранении государства и выходе из глубочайшего кризиса 1990–2000 годов, масштабы политико-идеологических результатов еще недооцениваются. Думаю, что когда-нибудь, лет этак через 15–20, наши потомки по достоинству оценят усилия В. Путина и его команды в эти годы, сравнив их, может быть, с усилиями русских героев — Минина, Пожарского, других. Сегодня эта пафосность неуместна. Сделать это без определенных принципов, без некоей системы ценностей было, естественно, невозможно. Эта условная система и была путинской идеологией 2000–2005 годов, которая «перекочевала» Д. Медведеву, но и связала его своими результатами и инерцией.

Вместе с тем отрицать существующий с 2007 года по настоящее время идеологический кризис также нельзя. И не только потому, что об этом многие заговорили в 2006–2010 годах, но и потому, что актуальность решения важнейших идеологических задач стала объясняться политической и практической **потребностью развития**. Модернизация стала отражением как кризиса, так и этой потребности.

Рис. 3. Составные части национального богатства, экспертные оценки на 1994 год

Добавлю, очевидной потребностью. Потребностью, прежде всего, повышения **качества госуправления**. Особенно в условиях кризиса 2008–2012 годов. Что, собственно, и стало центром общественной дискуссии: реформа МВД, «мигалки» и т. д. — лишь ее отражение.

Сохранилась и угроза возвращения неолиберализма на волне критики В. Путина и Д. Медведева. Критика, которая во многом стала следствием их бессистемной стратегии. Напомню, что в начале 90-х годов в России «победила» идеология анархического неолиберализма. Со всеми вытекающими из этого катастрофическими последствиями, включая преклонением перед стихией рынка раннего капитализма и «уголовной идеологией», слабым государством и отрицанием любых прогнозов и планирования. Если же взглянуть на происходящие сегодня во власти дискуссии, то окажется, что основные споры ведутся о том, **как эффективно использовать** государство, его институты, накопленные ресурсы, **как** не истратить их бездарно «просто» увеличивая масштабы финансирования, то есть решение проблемы перенесено на другой уровень. В том числе и по отношению к главной цели и главному ресурсу развития — национальному человеческому потенциалу. Достаточно сказать, что только в Ростовской области в годы стабилизации расходы на здравоохранение увеличены в 3 раза, образование — в 3,5 раза, а жилье — 6 раз. С точки зрения социально-экономических составляющих развития человеческого потенциала эти годы не были абсолютно потерянными.

Вместе с тем, выдвигание идеи модернизации в 2009–2010 годы можно рассматривать в определенной степени как возвращение к дискредитировавшему себя неолиберализму. Этот возврат отрицает ведущую роль НЧК в развитии экономики и общества. В XIX–XX вв. западные экономисты все больше внимания уделяли проблеме накопления капитала, под которым понимался лишь **Произведенный капитал** — запас машин, оборудования, сырья и сооружений, используемый для дальнейшего производства. Соответственно, только затраты на увеличение этого запаса и рассматривались как **Инвестиции**, тогда как большая часть затрат, например, на охрану окружающей среды или об-

разование, относилась к категории потребление и рассматривалась как вычет из потенциально возможного **Накопления**. Идея модернизации — суть возврат и устаревшей идее производственного капитала. Кстати, при М. Горбачеве уже пробовали массово приобретать чужую технику и технологии, которые потом были за бесценок приватизированы, либо разворованы.

Растущее признание важности устойчивого развития общества привело сначала к попыткам «озеленения» национальной статистики, т. е. учета изменения **Природного капитала** при расчете показателей ВВП и ВНП, а затем и к разработке методов учета меняющейся величины **Человеческого капитала** разных стран⁶.

Наблюдаемое различие в структуре богатства целиком обусловлено тем, что на одного западноевропейца в среднем приходится в 13–14 раз больше человеческого и произведенного капиталов (рис. 3).

Рис. 4. Расчет действительной нормы накопления

Действительная норма накопления

В течение последних 10 лет концепция устойчивого развития постоянно развивалась и уточнялась. В одном из недавних исследований Мирового банка, например, принцип устойчивого развития сформулирован как «управление капиталом в интересах сохранения и преумножения человеческих возможностей». При этом в понятие «капитал» включается не только произведенный, но и природный и человеческий капитал. Для того чтобы быть устойчивым, развитие общества должно направляться таким образом, чтобы сумма этих трех видов капитала, по крайней мере, не уменьшалась.

Исходя из этого определения, важнейшим показателем устойчивого или неустойчивого развития можно считать так называемую «действительную норму накопления», для расчета которой сумма изменений

в величине трех видов капитала нации за определенный период, например за год, представляется как доля от ее ВВП (в процентах). Этот показатель имеет положительное значение, если сумма национального капитала увеличивается.

Проблема идеологического кризиса 2007–2010 годов в отсутствии идеологии как устойчивой системы современных взглядов, опирающейся на развитие потенциала человеческой личности. Одним из следствий — стало неэффективное управление, — очевидность которого в период 2007–2010 годов стала ясна для всех.

Типичный пример — обсуждения на заседании правительства 14 июня 2007 года концепции дорожного строительства. Суть проблемы: есть политическое решение выделить на эти цели сотни миллиардов рублей, но концепции их расходования, механизмов, как оказывается, нет. Как нет и механизма реализации этой задачи в короткие сроки. От постановки задачи до ее реализации у правительства уходят многие месяцы, если не годы.

Если вернуться к рисунку (рис. 5), на котором предложена принципиальная схема взаимодействия интересов — целей — ресурсов, то окажется, что область формирования стратегии, эффективность ее реализации непосредственно зависит, во-первых, от ясности и адекватности целей, а, во-вторых, от эффективности использования ресурсов. Причем, чем больше становится ресурсов, **тем выше требуется эффективность их использования**. В противном случае происходит то, что происходит сегодня в России — объем выделяемых ресурсов возрастает, а результативность, КПД — снижается.

Примечательно, что, как решение вопросов целеполагания, так и использования ресурсов, — суть идеологические проблемы, хотя в России они и приобретают форму «политики финансовых властей». Эта ситуация сохраняется и сегодня. Что, конечно, не правильно. Достаточно привести такие примеры, как споры вокруг монетизации льгот, использования Стабфонда и ЗВР, реализации нацпроектов, а, главное, определение приоритетов распределения ресурсов. Поэтому недостаточная ясность, неопределенность, как в основополагающих целях, так и отношении к ресурсам, неизбежно вытекает **из идеологической нерешенности этих проблем**. Так, если мы говорим,

что приоритет — национальный человеческий потенциал, — то почему в бюджете США на эти цели расходуется более 50%, а в нашем — менее 30%? И кто в конечном счете определяет эти пропорции?

Другая сторона проблемы, поднятая «критиками режима» в 2006–2010 годах, — кризис управления, который «привел к авторитаризму, нарушению прав человека, произволу» и т. д. Дело дошло до того, что Г. Явлинский призвал власть «отказаться от нынешнего произвола и от государственного наперстничества **во всех сферах** российской жизни, т. е. от универсальных сегодня источников доминирования и процветания в политике и экономике. Фактически от власти в их сегодняшнем ее понимании»⁷ (подч. *Авт.*).

На мой взгляд, эффективность федерального, регионального и местного управления намного выросла бы, если перед всеми уровнями управления была поставлена совершенно конкретная задача: оценка деятельности будет происходить из вполне конкретного результата — темпов развития национального человеческого капитала. Такая оценка, измеряемая региональным душевым ВВП, уровнем образования, качеством науки, культуры, здравоохранения, производительностью труда, энергоэффективностью и ресурсосбережением — вполне реальна и возможно. Подбор таких критериев, расчет по простой формуле качество национального человеческого капитала на уровне местного самоуправления, региона, наконец, в стране, не только дисциплинирует власть, но и придает смысл ее деятельности, заставляет ее мобилизовать внутренние ресурсы, быть креативной, а, в конечном счете, — работать на итоговый результат.

Таким образом, в 2007–2010 годах, эффективность управления на федеральном, но также и на остальных уровнях, — региональном, местном, отраслевом — стало проблемой **политической**, решить которую **без идеологического обеспечения** — я уверен — невозможно. Приведу в качестве подтверждения признание В. Третьякова: «То, что проблема этого Большого будущего является для России наиострейшей и куда более важной, чем сумма всех тактических и оперативных проблем, доказывать — за очевидностью — не стану»⁸. Потребность в стратегии развития страны, **объединяющей** разрозненные отраслевые, региональные и иные стратегии в единую

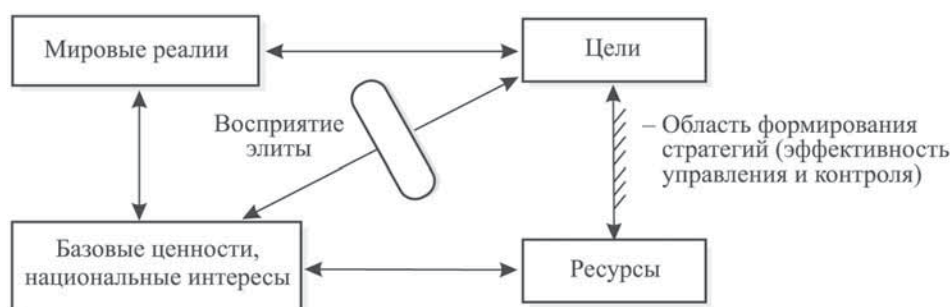

Рис. 5. Схема взаимодействия интересов — целей — ресурсов

Табл. 1. Среднемесячная начисленная заработная плата (без выплат социального характера) по видам экономической деятельности за январь 2010 года (выборка)

	рублей	в % к		
		январю 2009 г.	декабрю 2009 г.	общероссийскому уровню среднемесячной заработной платы
Всего	18938	109,3	78,0	100
в том числе:				
сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9064	109,9	81,4	48
рыболовство, рыбоводство	20433	121,8	73,4	108
добыча полезных ископаемых	34048	109,1	68,3	180
в том числе:				
добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	40022	107,5	68,0	в 2,1 р.
добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	22998	114,0	69,2	121
из нее добыча металлических руд	26143	116,8	64,4	138
обрабатывающие производства	16661	113,0	85,3	88
из них:				
научные исследования и разработки	25581	112,2	62,9	135
государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	22565	101,7	65,6	119
образование	12704	104,8	74,6	67
здравоохранение и предоставление социальных услуг	15157	107,5	85,7	80

стратегию опять же **единой идеологией**, такая потребность стала на рубеже 2007 года практическим требованием. Прежде всего, из-за существующей практики. Задачи, решаемые структурами Совета безопасности и Администрации президента в соответствии с Конституцией Российской Федерации, связаны с **выработкой и планированием политических целей**, а ответственность за реализацию этих целей, включая **выработку отраслевых политик, делегированы правительству во главе с председателем**. Именно на правительство возложена ответственность за использование национальных ресурсов, и эффективность мер, направленных на реализацию конкретных проектов и программ⁹.

При этом председатель правительства, фактически отвечающий за реализацию основного раздела государственной политики, в отличие от своих заместителей, не располагает соответствующим промышленно-экономическим штабом типа Военно-промышленной комиссии в сфере обороны или департамента национальных проектов в социальной сфере.

Не менее существенным пробелом является также отсутствие в правительстве соответствующей службы стратегических оценок, прогнозирования и согласования отраслевых политик. Аппарат правительства лишь оформляет подготовленные инициативы, а Минэкономразвития вынуждено скорее обеспечивать не столько функцию стратегического планирования, сколько согласования.

Таким образом, еще на рубеже 2007 года возникла **объективная потребность** в повышении качества управления, которая может быть конкретизирована как потребность более эффективного использования ресурсов, более четкого целеполагания, ясного стратегического прогнозирования и планирования, а также создания новых механизмов реализации принятых решений. Эта объективная потребность в 2007–2012 годы реализована не была. Прежде всего из-за неспособности правящей элиты преодолеть идеологический кризис.

Эмпирические попытки «точечного» решения проблемы человеческого капитала в 2006–2008 годах дали определенный небольшой результат, который был замечен, например, в демографической области. Но системного сдвига так и не произошло. Наступивший в 2008 году кризис положил конец концептуальным поискам: решение неотложных проблем не позволяет концентрироваться на стратегии. Резко сократились доходы населения и упал жизненный уровень. Представление о некоторых социальных последствиях кризиса дает официальная статистика, из которой ясно следует, что больше всего кризис ударил по положению именно тех социальных групп, которые сегодня определяют качество человеческого потенциала¹⁰ (табл. 1).

В. Третьяков очень образно описал эту потребность: «...если кому-то не нравится Ленин, напомним утверждение Маркса, согласно которому самый

плохой архитектор отличается от самой хорошей пчелы тем, что, приступая к строительству здания, имеет в голове хотя бы самый общий план этого здания. Так вот, несколько раз попробовав действовать как самая хорошая пчела и убедившись, что всякий раз соты получаются либо кривые, либо худые, В. Сурков решил действовать пусть как плохой, но архитектор»¹¹.

Иными словами, стратегия развития на 15–25 лет, которая в отдельных частях (региональных, отраслевых, даже подотраслевых) сложилась в 2005–2007 годы, вплотную поставила практический вопрос об общенациональной стратегии, которая, в свою очередь, может быть только **производной** от идеологии. Причем идеологии, рационально описывающей современное общество, ведь именно в первом десятилетии XXI века особенно настойчиво стали внедряться постмодернистские идеи как способ осмысления современной социальной реальности. «В первую очередь это касалось проблемы интерпретации современности как способа существования общества»¹².

Идеология должна помочь окончательно преодолеть управленческий кризис. При этом — хотел бы особо подчеркнуть — преодоление идеологического кризиса, в свою очередь, имеет принципиальное значение для **завершения кризиса управленческого** и поиска эффективных управленческих и финансово-экономических решений.

Не случайно оба эти кризиса — идеологический и управленческий — развивались в СССР и России параллельно. Что ясно видно из истории СССР 80-х годов. Но и процессы преодоления этих кризисов в 2000–2007 годы **также шли параллельно**. Поэтому для окончательного выхода из управленческого кризиса и использования в полной мере управленческих, организационных ресурсов необходимо прежде преодолеть кризис идеологический. Для этого сегодня необходимо решить целый ряд политико-экономических задач через формирование **новых элементов** идеологической системы. Элементов, которые соответствуют не обществу прошлого или даже настоящего, а обществу будущего. Другими словами, современная идеология должна исходить из предпосылки того, какой мы хотим видеть Россию в 2020–2030 годах, а новое управление не только из технических возможностей, появившихся в последнее десятилетие (как, например, идея создания «Электронного правительства»), а, прежде всего, из новых идеологических принципов.

Если, например, новая идеология исходит из приоритетов развития потенциала человека, то и государственное управление — по всей цепочке — должно исходить из такого же приоритета. Как на федеральном уровне, так и на местном.

Сегодня же эту идеологию фактически пытается создать Стратегия социально-экономического развития России до 2020 года, которая была подготовлена

МЭР по поручению президента. Критикуя прогноз к этой стратегии, Е. Гонтмахер справедливо отмечает: «Если выдвигать ориентир на долгосрочную перспективу, то им, очевидно, должно стать не восстановление, а приобретение лидирующего статуса в мире за счет решительного рывка страны в будущее»¹³. «Решительный рывок в будущее» — типично политико-идеологическая задача, национальная идея, если хотите, которая не может быть сформулирована МЭРом просто по определению. За эту задачу — определение приоритетов, базовых ценностей и национальных целей — в России отвечает президент, Совбез и Федеральное Собрание.

Повторю, что позиция В. Иноземцева, на мой взгляд, не соответствует реалиям. В действительности не только восемь посланий президента России, но и выдвижение ряда «прорывных» идей по аналогии с нацпроектами, известные (но «не замеченные» критиками) выступления В. Путина, Д. Медведева, С. Иванова, М. Фрадкова по большому счету можно рассматривать как политические, концептуальные и идеологические выступления, позволяющие говорить о попытках формирования новой идеологии, которая на отраслевом и региональном уровнях (но не на общенациональном) дополнена отдельными стратегиями. Из этой логики не выпадает и объявленная Д. Медведевым в конце 2009 года модернизация страны. Здесь вновь мы видим, что, как справедливо заметил редактор в своей передовой статье, «до определенной степени президентом России сделана попытка **задействовать и некий идеологический „модернизационный ресурс“: модернизация предлагается согражданам как „макроидеология“ развития страны, то есть как специфическое идеологическое ядро, могущее трансформировать все стороны жизни российского общества...** Этот сигнал лишней раз подчеркивает здравое понимание властью универсального закона, согласно которому **никакая страна без мощной национальной идеи развиваться не может**. Вот только четко зафиксировать характер связи двух важнейших приоритетов — **модернизации и национальной идеи** — **увы, не удалось**.

В этом плане нельзя не отметить удивительный факт: несколько дистанцировавшись от лидера государства, основой модернизации страны «Единая Россия» объявила... православие. Тем самым правящая партия в известной степени показала понимание (возможно — интуитивное) необходимости существенного расширения общемодернизационной темы за счет всего того, что связано с конкретной человеческой жизнью (то есть с упором на человека). Правда, радикальная апелляция к одной из нескольких основных российских религиозных конфессий выглядит шагом, по меньшей мере, экстравагантным»¹⁴.

Кризис в идеологии — это отсутствие идеологического выбора ясной стратегии развития, четкого использования ресурсов и, главное, внятно

сформулированной значимой цели. Все это пытаются заменить термином «модернизация», который представляется скорее лозунгом, чем концепцией. Кризис в идеологии — это неспособность мобилизовать национальные ресурсы и волю для достижения великой цели, сплотить нацию и дать мотивацию всем слоям общества.

Вместе с тем можно констатировать острую потребность в решении отдельных идеологических задач, без которых, как оказывается, невозможно решить задачи управленческие. Уже не в рамках неолиберальной, а иной идеологии. Россия к 2007 году стала «другим государством», о чем и заявил Д. Медведев в своей статье 1 февраля 2007 года в газете «Коммерсант». А «новому государству» нужна если не новая, то современная идеология. Идеология развития. Прорекламировав ее необходимость еще в 2007 году, Д. Медведев по непонятным причинам не стал превращать идею в систему идей.

Система идей, и вытекающая из этих идей стратегия развития так и превратились в норму, к которой привыкает постепенно общество, т. е. идеология (которую не сформировали) не стала основой для правовой системы нового государства. Справедливо заметил А. Чесноков, «постепенно общество привыкает жить по заданным идеологическим ориентирам»¹⁵. Но если нет этих идеологических ориентиров, нет и привычки, нет и в конечном счете правовой базы. Таким образом «правовой нигилизм», против которого не раз выступал Д. Медведев в 2008–2010 годы, не причина нынешних неурядиц

и коррупции, а следствие отсутствия «идеологических ориентиров» для общества.

К сожалению, в 2008–2010 годы наблюдался процесс игнорирования качественного развития социогуманитарных наук и знаний. Так, в бюджетах РАН в эти годы, по оценкам академика А. Чубарьяна, он не превышал 5%. Очевидный акцент на новых технологиях, сделанный Д. Медведевым, сыграл плохую службу для развития наук о человеке и обществе. В качестве примера можно привести конкурсы на исследовательские университеты, проведенные Минобрком в 2009–2010 годах. Среди десятков победителей не было ни одного гуманитарного университета. Презентуя в ИНСОРе в июне 2010 года свою новую книгу «Технократия, технократы и неотехнократы», А. Кокошин по этому поводу заметил: «...функция науки в нашем обществе, в нашей стране состоит не только в том, чтобы создавать технологическую базу для новых продуктов, видов услуг, новых систем вооружений и технических средств для спецслужб и правоохранительных органов. Она призвана, в числе прочих задач, постоянно производить новое знание, которое позволяло бы обеспечить понимание того, что происходит в науке и технике стран, опередивших Россию и стремящихся нарастить свой отрыв от остальных государств ради сохранения своих доминирующих позиций и в мировой экономике, и в мирополитической системе. Это создает основу для развития в нашей стране через 10–20 и более лет тех производств, которые мы еще не сможем развивать в среднесрочной перспективе»¹⁶.

2. Национальный человеческий потенциал: нынешняя реальность

И связано это... не с тем, что в обществе формируется заказ на присутствие представителей спецслужб во власти, а так просто складываются обстоятельства¹⁷.

Д. Медведев

Формирование НЧП в современных условиях должно происходить при сознательном участии государства, ибо только оно способно мобилизовать необходимые ресурсы. Как показывает практика, иностранные инвестиции не идут в области, определяющие качество НЧП.

В этом-то, как раз, и заключается проблема. Формирование элиты и программы, способной модернизировать страну, должно происходить не «так просто», не из-за «обстоятельств», а по **социальному заказу общества**, тех его слоев, у которых есть мотивация для развития страны и модернизации.

И во многом по инициативе и под **сознательным воздействием руководства страны**. Власть может и должна влиять на общество, в т. ч. стимулируя создание и развитие таких социальных слоев и групп сознательным, целенаправленным созда-

нием для этого всех необходимых условий. Этого пока не видно. Если власть определила стипендию в 1500 рублей для очного аспиранта (т. е. цену месячного проездного билета), то невозможно ожидать ни массового, притока желающих, ни тех, кто захочет остаться в науке. И «обстоятельства» тут совершенно не при чем. Соответственно и результат. Точнее — его отсутствие.

И наоборот. **Беспрецедентные усилия Китая по наращиванию научно-технического потенциала**, предпринятые в последние 15 лет, дают весьма впечатляющие результаты. По словам редактора сборника Национального научного фонда США (NSF) Рольфа Леминга (Rolf Lehming), мы впервые сталкиваемся с ситуацией, когда в какой-либо стране расходы на науку 10 лет подряд стабильно растут более чем на 20% ежегодно. Результаты этих усилий отражаются